

**ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ
В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРАВОВОГО ГАБИТУСА
ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ,
ЖИВУЩЕЙ В САНКТ-
ПЕТЕРБУРГЕ**

Е. А. Шекера *

* Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Цель исследования – рассмотреть феномен правового плюрализма в Республике Дагестан (формирование и функционирование, начиная с вхождения в состав Российской империи и современную ситуацию) и посредством анкетного опроса выявить некоторые элементы функционирования правового габитуса дагестанской молодежи, живущей в Санкт-Петербурге: способы предпочтительной защиты своих интересов, отношение к закону, что лежит в основе поведения в Санкт-Петербурге, мнение о девиантном поведении земляков.

Методологическую базу исследования составили как общенаучные методы (диалектический, логического и сравнительного анализа, систематизации, исторический, обобщения), так и эмпирические методы (анкетирование и анализ полученных данных).

Результаты исследования. Проведенное исследование наметило существующие тенденции в правопонимании и правоприменении дагестанской молодежью, проживающей в Санкт-Петербурге: было установлено, что для 50,6 % опрошенных респондентов следование законам варьируется от наличия

**LEGAL PLURALISM IN THE
REPUBLIC OF DAGESTAN:
SOME FEATURES OF THE
LEGAL HABITUS OF THE
DAGESTAN YOUTH LIVING
IN ST. PETERSBURG**

E. A. Shekera *

* Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

Objective of the study is the consideration of the legal pluralism phenomenon in the Republic of Dagestan (the formation and functioning since annexing to the Russian Empire and the current situation) and through a questionnaire to identify some elements functioning of the legal habitus of the Dagestan youth living in St. Petersburg: ways of preferential in private self-defence, attitude to the law that underlies the behavior in St. Petersburg, the opinion of the deviant behavior of fellow countrymen.

The methodological basis of the research was designed by both general scientific methods (dialectical method, logical and comparative analysis, systematization, historical method, generalizations) and empirical methods (questionnaires and analysis of the data obtained).

Research results. The study outlined existing tendencies in the law enforcement and accumulation of Dagestan youth living in St. Petersburg: it was found that for 50,6 % of the respondents, following the laws varies from the presence of certain conditions. Either, the lack of habitual hard social control in the conditions

определенных условий. Также отсутствие привычного жесткого социального контроля в условиях анонимности крупного города приводит к крайностям в поведении, что сказывается на функционировании всей социальной системы в целом; таким образом, необходимо усиливать социальный контроль, основанный на внутригрупповой репутации.

Перспективы исследования связаны с разработкой комплексной модели правового габитуса дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: правовой порядок, социальный порядок, социальный контроль, взаимопонимание, социология права, Северный Кавказ, внутренние мигранты, обычное право, исламское право, шариат.

of anonymity of a big city leads to excesses in behavior, which affects the functioning of the entire social system as a whole, thus, it is necessary to strengthen social control based on intra-group reputation.

Prospects of the study are related to the development of a comprehensive model of the legal habitus of the Dagestan youth living in St. Petersburg.

Keywords: legal order, social order, social control, sociology of law, legal understanding, Northern Caucasus, internal migrants, customary law, Islamic law, Sharia.

Введение

Миграционные процессы в российской действительности имеют ярко выраженную направленность: основные направления внутри России – с востока на запад и с юга и севера в центр, соответственно, основная миграционная нагрузка традиционно приходится на Москву, Московскую область и Санкт-Петербург. Молодежь едет в Санкт-Петербург для того, чтобы получить конкурентоспособное образование, устроиться на работу по специальности, улучшить материальное положение и т. д. Молодежь как таковая обладает характеристиками маргинальности, которые усиливаются у приезжей молодежи. Социальная адаптация молодежи сложна и противоречива сама по себе, в то же время социальная адаптация мигрантской молодежи в крупном городе представляет собой еще более сложный и разнообразный процесс, в котором скрыты как предпосылки к маргинальности, так и потенция к созидательной деятельности, направленной на непротиворечивое развитие и адаптанта, и принимающего общества. Молодые мигранты, попадая в новую социальную среду, и связанным с этим стрессом, также испытывают дополнительную нагрузку в виде обретения личной свободы, утрачивая жесткий социальный контроль региона исхода, а в случае студентов, также переходом к самостоятельной жизни. Молодые дагестанцы – довольно заметная группа¹

¹ Мы употребляем дефиницию «группа» при полном согласии с критикой Р. Брубейкера увлечением группизма, так молодежь из Дагестана, переехавшую в Санкт-Петербург, мы рассматриваем как группу внутренних мигрантов, а население Санкт-Петербурга как принимающее общество (Брубейкер, 2012).

в городской среде, наряду с кавказской молодежью в целом¹. Среди наиболее распространенных претензий к кавказцам: неуважение к местным традициям, нормам и правилам поведения, приставание к девушкам, их обвиняют в агрессивности, импульсивности, чрезмерной эмоциональности, готовности применить оружие, нарочитости поведения, особенно громкой музыке, в меньшей мере – пресловутой лезгинки (Мукомель, 2016). Представителям этносов Северного Кавказа свойственно проявление элементов правового плюрализма, следствием чего может являться иное понимание «правового», соответственно, восстановление ущемленных интересов и прав может происходить альтернативными способами, что приводит и к конфликтам с жителями крупных городов и с законодательством, в то время как приезжая с Северо-Кавказского региона молодежь расценивает свое поведение как совершенно легитимное. Следует отметить, что доля приезжей молодежи, придерживающейся девиантных форм поведения (с точки зрения принимающего общества), не так велика, но в итоге негативное отношение к приезжим с Северного Кавказа распространяется на всех приезжих из данного региона. Данная работа посвящена тому, чтобы посредством анкетирования рассмотреть, как дагестанская молодежь, проживающая в Санкт-Петербурге, предпочитает защищать свои интересы, как относится к закону, что составляет основу поведения в Санкт-Петербурге – в общем, понять, как их правовой габитус (Бурдые, 2005) функционирует в пространстве крупного города.

Правовой плюрализм в Республике Дагестан

Привнеся понятие адаптации из биологии, его понимали исключительно в рамках социально-доминирующего подхода, согласно которому адаптант воспринимается в качестве пассивного объекта внешнего воздействия, таким образом нормативный аспект занимал центральное место в процессе адаптации. Нормативизм (Э. Дюркгейм, А. Р. Рэдклифф-Браун, Т. Парсонс, Р. Мертон, П. Сорокин и др.) буквально навязывал индивиду необходимость соответствия господствующим в обществе социальным нормам и ценностям. Несмотря на смещение акцентов с жесткого воздействия общества на индивида в пользу воздействия индивида на общество (интерпретативизм: М. Вебер, Дж. Мид, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман и др.), а также взаимного воздействия друг на друга и общества, и индивида (Э. Гидденс, П. Бурдые) нормативный аспект поведения индивида по-прежнему имеет решающее значение, поскольку в связи с неосознаваемостью габитуса действия адаптирующегося индивида подчинены законам социальной структуры, в рамках которой был образован габитус, и воспринимается им как само собой разумеющееся

---

¹ Подробнее о специфике социальной адаптации дагестанской молодежи см. работу (Шекера, 2016).

ся. Проблемы адаптации начинаются там, где габитус адаптанта неадекватен законам социальной структуры, в рамках которой происходит адаптация, соответственно, иное понимание правового может существенно затруднить процесс адаптации, либо сделать его невозможным. Кратко рассмотрим процесс формирования правового габитуса дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге, сквозь призму теории правового плюрализма. Под правовым габитусом мы понимаем набор социальных и правовых норм, бессознательно приобретенных в процессе социализации, составляющих основу поведения индивида.

Как резюмирует А. И. Ковлер со ссылкой на К. фон Бенда-Бекманн, начало исследованиям правового плюрализма положила одноименная публикация Дж. Джиллисена, вышедшая в свет в 1971 году, однако Н. Рулан обращает внимание, что разделение между «действующим» и «государственным» правом использовалось еще в Римской империи: внутригосударственное право (*ius civile*) и право народов, распространявшееся на некоренных подданных римского государства (*ius gentium*) (Ковлер, 2003, с. 24). Тем не менее именно конец XX в. ознаменован возрастанием научного интереса к данной тематике в связи с исследованиями государственных правовых систем (бывших европейских колоний) в период постколониализма, где негосударственные системы права (в данном контексте обычное право) функционировали совместно с государственной централизованной правовой системой. Обычное право представляет собой общие социальные нормы и обычаи, где правотворчество зачастую осуществляется лидерами сообществ, действия которых могут в том числе опираться на религиозные предписания, а их исполнение регулируется общим согласием членов сообщества, таким образом, в классическом понимании государственная монополия на власть децентрализуется обычным правом. Как отмечает Б. Таманага (Tamanaha, 2008. С. 379), факт того, что мы предрасположены рассматривать право как монополию государства, демонстрирует успех начавшегося в позднее Средневековье проекта строительства государств.

Наиболее хрестоматийные интерпретации термина «правовой плюрализм» принадлежат Дж. Гриффитсу и С. Э. Мерри. Согласно С. Э. Мерри (1988. С. 870) – это «ситуация, при которой две или более правовые системы сосуществуют в одном и том же социальном поле». В. И. Фатхи (2007. С. 28) дорабатывает данное определение, акцентируя внимание не только на их сосуществовании, но и на «обязательном взаимодействии и взаимопроникновении, результатом которых могут быть как мирное сосуществование двух и более правовых систем, так и конфликт, вплоть до вооруженного». Дж. Гриффитс (1986. С. 2), опираясь на предложенное С. Ф. Мур понятие «полуавтономного социального поля», определяет правовой плюрализм как «такое

положение вещей в любом социальном поле, при котором поведение соответствует более чем одному правопорядку». Согласно С. Ф. Мур «полуавтономное социальное поле» – это социальное пространство, которое «может создавать свои внутренние законы, обычаи и символы, но в то же время... подчиняется законам, решениям и иным факторам окружающего его внешнего мира». По-прежнему не прекращаются дебаты по поводу границ и перспектив применения термина «правовой плюрализм», если вкратце, то наиболее жаркие споры вызывают основные термины «право» и «закон»¹. Так, в 2005 году Дж. Гриффитс обратился к научному сообществу с предложением отказаться от использования термина «правовой плюрализм», заменив его более широким термином «нормативный плюрализм» (или плюрализм социального контроля), ранее эту идею в 1999 году предложил Б. Дюпре, также некоторые исследователи делают выбор в пользу иных синонимов, таких как «юридический плюрализм», «децентрализм» или «полиюридизм» (Габрилян и др., 2019. С. 161). Согласно Б. Дюпре (Dupret, 2007): «в то время как государство позиционирует себя в качестве единственного законодателя, правовой плюрализм выдвигает на первый план множество частично автономных и саморегулируемых социальных областей, также производящих правовые нормы». Ярким оппонентом является С. Робертс, оспаривающий возможность наименования «правом» совокупности норм, не исходящих от государства (Roberts, 1998).

Таким образом, Г. Э. Адыгезалова (2021. С. 3), рассматривая различные подходы к правовому плюрализму, резюмирует их в три основных:

1) социолого-правовой (отрицание исключительного права государства на правотворчество);

2) антрополого-правовой (сосуществование нескольких правопорядков в рамках одного государства: параллельное функционирование норм обычного права и сформулированных и установленных государством норм права);

3) евразийский (правовой монизм противопоставляется правовому плюрализму, т. е. создается единая система права, основанная на западной правовой традиции и на правовых принципах римского права).

В исследованиях правового плюрализма в отечественных социальных науках лидирующее место занимает Северный Кавказ. Как отмечает В. А. Дмитриев (Дмитриев, 2003), на Северном Кавказе исторически сложилась такая ситуация, при которой правовые нормы шариата, имевшие различные интерпретации (Л.Р. Сюкияйнен (2007) предлагает более широкий термин «исламское право»), сосуществовали с местными системами адата при добавлении элементов разных типов государственного права.

Наиболее многонациональной республикой Российской Федерации является Дагестан (входит в состав Северо-Кавказского федерального округа), отличительной особенностью которого, ко всему прочему, является отсутствие «титულ-

---

¹ Подробнее о разграничении данных терминов см. в работе (Нерсесянц и др., 2002).

ного» этноса. Следствием разнообразия этносов на территории Дагестана еще М. М. Ковалевский (1890) предполагал крайнее отличие законов адата, варьирующихся от этноса к этносу, но дальнейшие исследования опровергли это предположение. Подобное положение вещей закономерно вытекает из идентичных или близко схожих условий социально-экономического и культурно-исторического развития народов края, повседневного общественного быта, схожестью основных этнопсихологических характеристик и т.д. (Булатов, Лугуев, 2004. С. 23) Соответственно, можно утверждать, что монокультура и монопорядок сходных ценностных ориентаций, выраженных в совпадающих социальных, экономических, политико-правовых и религиозных практиках, объединяют большинство народов Северо-Кавказского региона (Тхакахов, 2002. С. 13).

Однако не стоит думать, что три сферы доминирующих форм права (государственного, адатного и мусульманского) четко отделены друг от друга, на самом деле под взаимным влиянием происходит исламизация адатного права, в мусульманское право вплетаются местные правовые обычаи и т.д. Как отмечает В. О. Бобровников: «с первой трети XIX до конца XX в. на Кавказе почти не прекращались социальные и правовые реформы. Мусульманам региона пришлось пережить шариатское законодательство и суды Шамиля, так называемое военно-народное (или военно-адатное управление) в составе Российской империи (с 1860 по 1917 гг.), шариатские суды и трибуналы времен Гражданской войны и раннего советского времени, новое районирование и коллективизацию, затем политику “опоры на полезные адаты” времен застоя и, наконец, крушение советской судебной-административной системы и “возрождение адатных и исламских традиций”» (Бобровников, 2009. С. 20). Окрепшая советская власть приступила к процессу «деплюрализации» (термин введен Ж. Вандерлинденем (1996)) – правовой ситуации, при которой под воздействием процесса выравнивания (подлинного или искусственного) социально-культурных и экономических условий жизни людей в обществе отпадают (или насильственно устраняются) условия существования дифференцированных правовых порядков (Ковлер, 2003. С. 27). Как отмечает Дж. Ричардсон, «общество с сильным государственным аппаратом может стремиться навязать свою правовую систему и ценности всем гражданам. Однако, если это происходит, могут потребоваться огромные ресурсы для поддержания такого жестокого социального устройства» (Ричардсон, 2013. С. 55). С 1918 г. словесные и народные суды были заменены шариатскими, со втор. пол. 1920-х гг. – советскими народными, к 1930-м гг. были упразднены все виды не советских судов (Прозоров, 2001. С. 8). Борьба с пережитками родового быта шла не только на законодательном уровне, помимо пропаганды и подключения системы образования, предпринимались беспрецедентные меры: разрушение механизмов межпоколенной культурной трансмиссии, посредством физического устранения носителей

традиций, с 1920-х гг. была запущена кампания против «стариковства», включающая репрессии пожилых людей (Бочаров, 2001. С. 67). С 1928 г. на Северном Кавказе действовала X глава Уголовного Кодекса РСФСР (от 1922 г. с последующими дополнениями) «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта», объектами борьбы были адатные и шариатские правовые нормы (Прозоров, 2001. С. 8). Вопреки ожиданиям советской власти процесс деплюрализации на Северном Кавказе не дал ожидаемых результатов, так установление уголовного преследования бытовых преступлений их не искоренило, также количество зарегистрированных бытовых преступлений существенно разнилось с совершенными в действительности. С 1950–1960-х гг. советская власть инициирует возрождение «полезных адатов», также поощряя создание в населенных пунктах совета старейшин. С распадом Советского Союза наметилась тенденция возрождения традиций и адатного права, но адатное право не могло возродиться в той же форме, как в конце позапрошлого века, свой отпечаток нанесла война в Чечне, привнесла новую трактовку адатов (в них включились жесткие меры военного времени), также распространилось бытование местных интерпретаций правовых норм шариата. Одним из ярких примеров бытования недавно возникшей правовой практики является «коалиционный клинч», конкурирующий с исламским порядком – практики, описанной в статье Е. А. Варшавера и Е. В. Кругловой (2015). Особенности понимания «справедливости» и «законности» раскрыты на примере выборов в сельском Дагестане в статье Е. Л. Капустиной (2012), где при полном нарушении избирательных прав граждан с позиции российского законодательства состоявшиеся выборы могут иметь статус «законных», т.е. одобренных джамаатом. Как резюмирует К. И. Казенин (2017. С. 264), анализ этнографических работ показал, что на современном Северном Кавказе чаще всего имеет смысл говорить не о действии некой альтернативной юрисдикции в полном объеме, а о действии отдельных элементов шариата или адата в конкретных ситуациях.

Как отметили Г. С. Денисова и И. А. Петрулевич (2005), выявлявшие различные аспекты правовых ценностей молодежи Северного Кавказа, законопослушное поведение русской молодежи мотивируется репрессивной функцией государственного права, в то время как законопослушное поведение молодежи автохтонных народов ориентировано на первичный контроль этнической общности. Поэтому для молодежи автохтонных народов региона степень осознанного подчинения закону как норме государственного права в регионе во многом определяется его соответствием традиционно-правовой норме. И. А. Петрулевич (2003) по результатам проведенных эмпирических исследований¹ пришла к важным выводам, отражающим доминирующие

---

¹ На материалах социологического исследования, предпринятого в республиках Северного Кавказа: Адыгее, Северной Осетии – Алании, Кабардино-Балкарии и Ингушетии.

факторы, обуславливающие функционирование правового пространства республик Северного Кавказа:

– автохтонное население не воспринимает российскую государственность как безусловную ценность, тем самым проявляя к ней двойственное отношение;

– привнесение в легальную правовую систему этнокультурных ценностей и норм обычного права, что обусловлено, с одной стороны, слабым контролем правового поля государства со стороны центра и, с другой стороны, заполнением вакансий в правоохранительных органах представителями автохтонных народов, поддерживающих в имплицитной форме элементы традиционного регулирования.

Таким образом, приезжая с Северного Кавказа, молодежь встраивается в правовое поле принимающей территории, привнося свое понимание функционирования права. Но как ведет себя право в крупном городе? Исследователи городского образа жизни (представители Чикагской школы социологии) отмечали преобладание «вторичных» контактов над «первичными» в городской среде, вследствие чего ослабевает социальный контроль первичных групп, а на смену ему приходит публичность, как форма социального контроля в урбанизированных пространствах (Парк, 2011. С. 38). Вслед за Д. Блэком (2014) мы определяем «социальный контроль» как нормативный аспект общественной жизни, или определение отклоняющихся способов действия и реакции на них. Право само по себе есть одна из форм социального контроля, осуществляемого в контексте национального управления (государства). Право – это количественная переменная, объем которой может возрастать или убывать в зависимости от контекста, например, статуса людей, характера отношений между ними и т. д. Д. Блэк вывел следующие законы поведения права:

– право меняется обратно пропорционально другим формам социального контроля, т. е. при уменьшении других форм социального контроля, объем права возрастает, и наоборот.

– чем более общество стратифицировано, тем больше в нем права, т. е. индивиды примерно равных социальных позиций менее склонны прибегать к закону в отношениях друг с другом.

Крупный город – это место социальных контрастов, поэтому именно здесь право «мобилизуется» (термин введен в 1979 году Д. Блэком) наиболее часто. Мобилизация права означает сознательное обращение к государственным структурам для защиты интересов, но что происходит, если право не мобилизуется? Отказ от мобилизации права предполагает восстановление правосудия иными методами, например, необходимостью прибегнуть к самосуду (self-help), который проявляется в агрессивных формах в отношении другого индивида/группы или его/их имущества, с целью его уничтожения,

либо повреждения. Чаще всего метод самосуда избирают люди, лишенные иных инструментов защиты (Блэк, 2014. С. 320, 334), так приезжая молодежь при нарушении их интересов и прав может не обращаться в полицию по ряду причин: например, низкое доверие к органам власти, отсутствие официальной временной регистрации на территории пребывания или обращение в полицию может рассматриваться как признак слабости и т. д., поэтому может выбираться изоляция от государства как образ жизни. Также крупной проблемой является вызывающее поведение приезжих, которое нередко приводит к конфликтам. Зачастую такие конфликты «автоматически» приравнивают к попыткам разжигания межнациональной розни, хотя в большинстве случаев это конфликты на бытовой почве, также можно говорить о наличии в больших городах латентного социального конфликта, имеющего антикавказскую ориентацию.

Правовой габитус дагестанской молодежи

Анкетирование проживающей в Санкт-Петербурге молодежи из Республики Дагестан проходило с 20 апреля по 20 мая 2019 года. Выборка выстраивалась на основе простого случайного отбора, в нее вошли представители молодежи из Дагестана, проживающие в Санкт-Петербурге (в том числе проживающие с рождения – 23 респондента), в возрасте от 16 до 35 лет. Выборка включает 303 респондента, в связи с тем, что невозможно определить параметры генеральной совокупности, не репрезентативна. При составлении анкеты мы воспользовались некоторыми методиками других исследователей, нами были заимствованы следующие вопросы: «Что лежит в основе вашего поведения в Санкт-Петербурге?», «Каково ваше отношение к закону?» (Гриценко и др., 2009). Результаты анкетного опроса обрабатывались с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics.

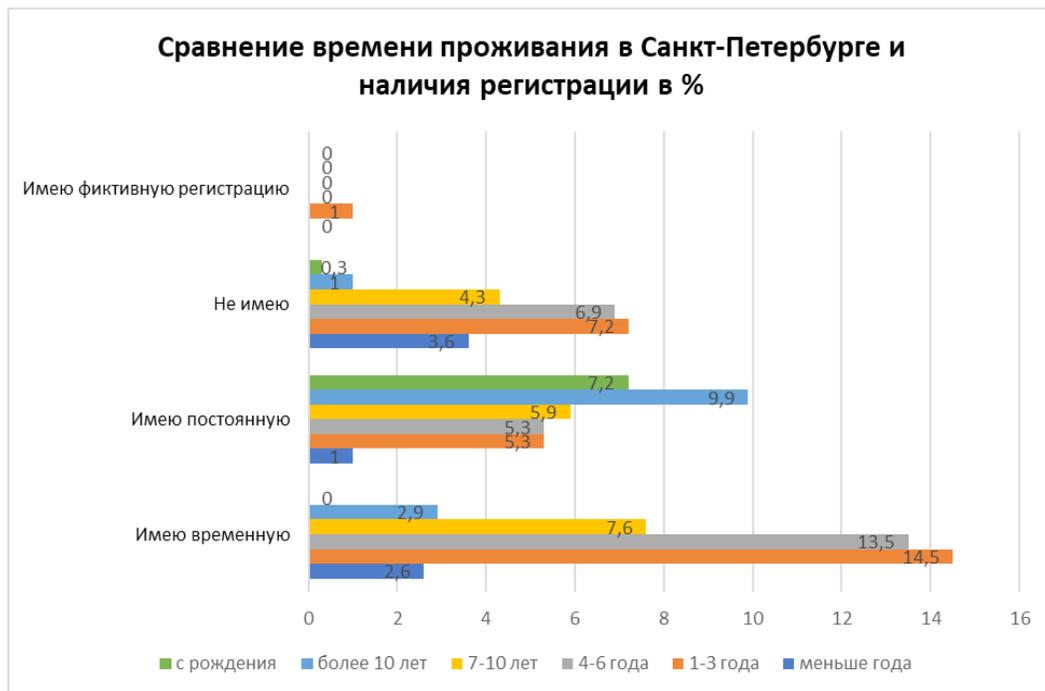
Как следует из закона¹ регистрация гражданина по месту пребывания производится в срок, не превышающий 90 дней со дня прибытия гражданина в жилое помещение (рис. 1).

Совокупно не имеют временной регистрации или прописки 19,4 %², также 1 % указал на наличие фиктивной³ регистрации. К тому же остается

¹ О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 25.06.1993 № 5242-1. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2255/ (дата обращения: 29.01.2019).

² Исключаем проживающих меньше года и проживающих с рождения, поскольку респондент, скорее всего, выбрал данный ответ ошибочно.

³ Под фиктивной регистрацией мы понимаем регистрацию в жилом помещении без намерения пребывать (проживать) в этом помещении, эта популярная услуга активно предлагается разными фирмами за определенную плату. Данная услуга особенно востребована в крупных городах, даже несмотря на введение с 2013 года уголовной ответственности согласно ст. 322.2 УК РФ.

Рисунок 1 – Сравнение времени проживания в Санкт-Петербурге и наличия регистрации

открытым вопрос, что именно респонденты понимают под временной регистрацией, например, считают ли они временной регистрацией оформленную за деньги регистрацию в одной из юридических фирм, этот вопрос требует дополнительного изучения. Тем не менее картина примерно просматривается, не учтены официально как «временные мигранты» минимум 20,4 % опрошенных.

Миграция молодежи из сельской местности/малого города в крупный город характеризуется ослаблением социального контроля – основного регулятора поведения в регионе исхода, что приводит к крайностям в поведении (рис. 2.)

Только 35,8 % опрошенных указали, что не замечали проявлений девиантного поведения земляков, однако как наиболее весомые проблемы указаны вызывающее поведение (52,1 %) и сексуальная распущенность (41,7 %) – прямое следствие ослабления первичного социального контроля в анонимном пространстве крупного города.

Особую роль во взаимодействии приезжих и местного населения играет понимание «правового», в связи с тем, что в Республике Дагестан ярко выражен правовой плюрализм, приезжим может быть сложно действовать в

Рисунок 2 – Мнение респондентов о девиантном поведении земляков

рамках правового поля Российской Федерации. Способы восстановления нарушенных прав приведены на рисунке 3.

Способ «разберусь самостоятельно» (54,4 %) оказался самым востребованным, чуть менее востребована мобилизация права – «обращусь в правоохранительные органы» (51,5 %). Подключение ближнего круга – родственников (41,4 %) и друзей/знакомых (41,0 %) также крайне актуально, далее из лидеров ответов – обращение в государственные органы и организации (38,1 %). Следовательно, примерно равные шансы с небольшим перевесом в сторону self-help на решение проблемы самостоятельно или используя социальный капитал и на мобилизацию права, т. е. обращение в правоохранитель-

Рисунок 3 – Способы восстановления нарушенных прав

ные и государственные органы. Регулирующие основы поведения отражены на рисунке 4.

За основу поведения большинство респондентов (46,5 %) принимает общечеловеческие нормы морали, законы Российской Федерации оказались ниже (12,9 %), чем религиозные нормы (22,8 %), почти каждый десятый опрошенный в качестве основы поведения указал обычаи и традиции своего народа (9,2 %). Немаловажно, что взаимодействие приезжих и местного населения происходит в условиях сниженного социального контроля первичной группы по отношению к приезжим. Отношение респондентов к закону отражено на рисунке 5.

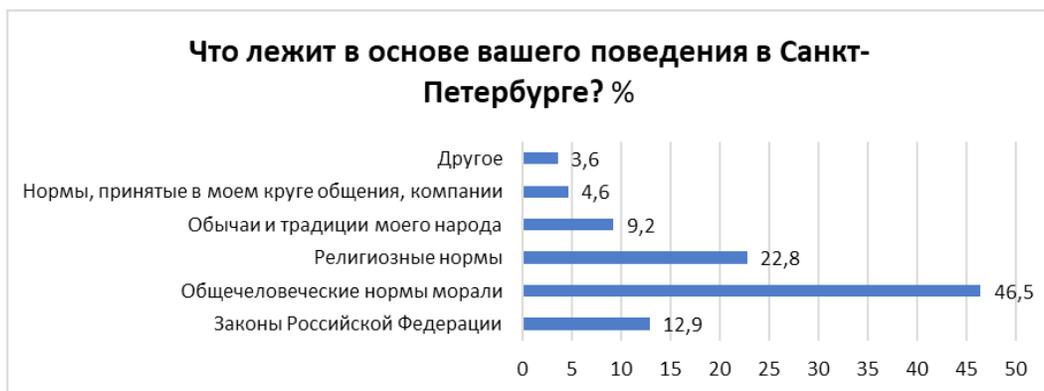

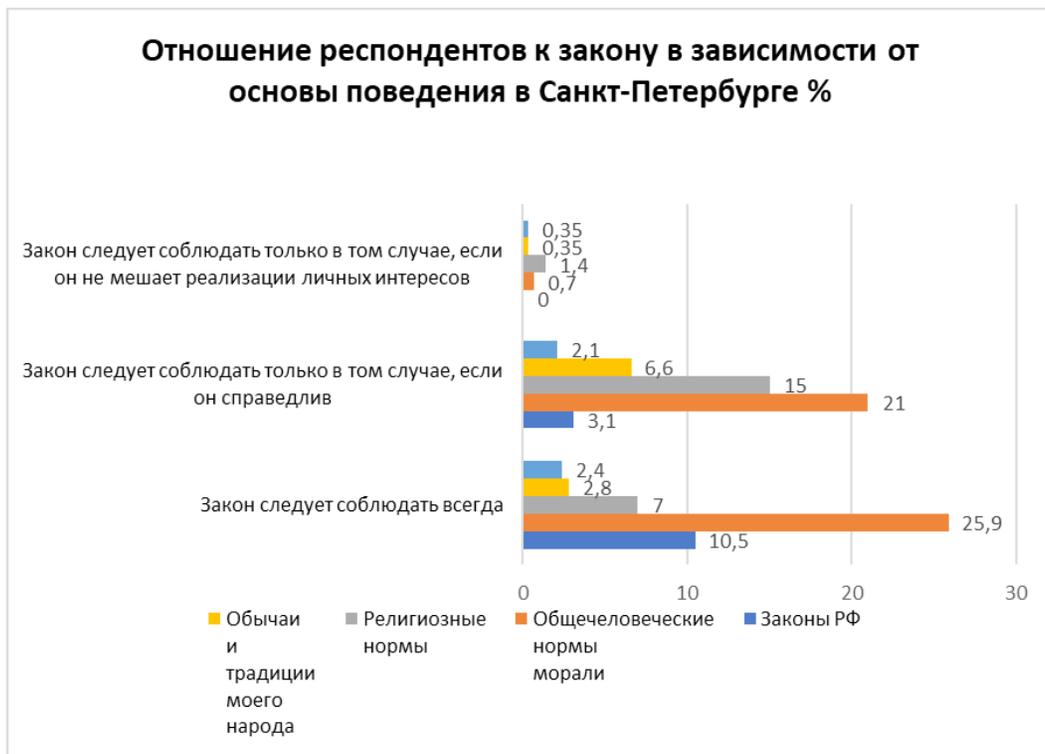
Рисунок 4 – Основа поведения в Санкт-Петербурге

Рисунок 5 – Отношение респондентов к закону

Наиболее распространенный ответ – закон следует соблюдать только, если он справедлив (47,9 %), важно помнить, что справедливость закона – субъективная и ситуативная характеристика, которая может интерпретироваться разными участниками социального взаимодействия по-разному. Одна-

ко примерно равное количество набрала категория – закон следует соблюдать всегда (46,9 %). К сожалению, в связи с постановкой вопроса о категории «закон», без указания какой именно закон имеется в виду, невозможно понять, что под категорией «закон» имели в виду респонденты.

Рисунок 6 – Отношение респондентов к закону в зависимости от основы поведения в Санкт-Петербурге, %

Как следует из рисунка 6, подавляющее большинство тех респондентов, в основе поведения которых лежат общечеловеческие нормы морали, поддерживают высказывания, что закон следует соблюдать всегда и что его следует соблюдать, только если закон справедлив. Для респондентов, в основе поведения которых лежат религиозные нормы, наиболее важна справедливость закона, необходимая для его соблюдения, однако 7 % также выбрали постоянство соблюдения закона. Для 6,6 %, в основе поведения которых лежат обычаи и традиции своего народа, решающее значение имеет справедливость закона, и для 2,8 % – безоговорочное соблюдение закона. Среди респондентов, ответивших, что закон следует соблюдать только, если он не мешает реализации личных интересов, доминируют те, в основе поведения которых лежат религиозные нормы (1,4 %). Категория «закон следует соблюдать всег-

да» вкупе с законами РФ как основы поведения, оказалась только на четвертом месте, хотя с точки зрения правового позитивизма именно эта категория должна доминировать.

Заключение

Проведенное исследование наметило существующие тенденции в правовопонимании и правоприменении дагестанской молодежью, проживающей в Санкт-Петербурге. Для более детального анализа феномена необходимо проведение качественных исследований, в частности для операционализации базовых категорий, таких как «справедливость», «закон» и др. Тем не менее было установлено, что для 50,6 % опрошенных респондентов следование законам варьируется от наличия определенных условий. Также отсутствие привычного жесткого социального контроля в условиях анонимности крупного города приводит к крайностям в поведении, что сказывается на функционировании всей социальной системы в целом, таким образом, необходимо усиливать социальный контроль, основанный на внутригрупповой репутации.

Список источников

Адыгезалова Г. Э. Парадигма правового плюрализма в интерпретации правового реализма / Г. Э. Адыгезалова // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2021. – № 1. – С. 2–9. – DOI 10.31429/20785836-13-1-2-9. – EDN IWKKEI.

Блэк Д. Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов / Д. Блэк / ред.: Э. Л. Панеях, А. М. Кадникова; АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», Институт проблем правоприменения. – Москва: Статут, 2014. – 568 с. – ISBN 978-5-8354-1021-7.

Бобровников В. О. Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. Т. II. В царской и ранней советской России / В. О. Бобровников. – Москва: Изд. дом Марджани, 2009. – 272 с.

Бочаров В. В. Максим Ковалевский: антропология права и правовой плюрализм в России / В. В. Бочаров // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – Т. 4, № 3. – С. 50–72. – EDN OPASST.

References

Adygezalova G. E. (2021) The paradigm of legal pluralism in the interpretation of legal realism / G. E. Adygezalova // Legal Bulletin of the Kuban State University. – No. 1. – Pp. 2–9. – DOI 10.31429/20785836-13-1-2-9.

Black, D. (2014) Law and Law enforcement in the mirror of Social Sciences: a textbook of modern texts / D. Black / ed.: E. L. Paneyakh, A. M. Kadnikova; European University in St. Petersburg, Institute of Law Enforcement Problems. – Moscow: Statute, – 568 p. – ISBN 978-5-8354-1021-7.

Bobrovnikov V. O. (2009) Custom and law in written monuments of Dagestan V – early XX century. Vol. II. In Tsarist and early Soviet Russia / V. O. Bobrovnikov. – Moscow: Publishing house of Marjani. – 272 p.

Bocharov V. V. (2001) Maxim Kovalevsky: Anthropology of law and legal pluralism in Russia / V. V. Bocharov // Journal of Sociology and Social Anthropology. – Vol. 4, No. 3. – Pp. 50–72.

Brubaker R. (2012) Ethnicity without groups / R. Brubaker; translated from English

Брубейкер Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер; пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с. (Социальная теория). – ISBN 978-5-7598-0973-9.

Булатов Б. Б. Очерки истории духовной культуры горцев Центрального Дагестана в XVIII–XIX веках / Б. Б. Булатов, С. А. Лугуев; Российская акад. наук, Дагестанский науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии, М-во образования и науки Российской Федерации, Дагестанский гос. ун-т. – Изд. 2-е, доп. – Махачкала: [б. и.], 2004. – ISBN 978-5-905784-52-1. – EDN QPWCAT.

Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» / П. Бурдые // Социология социального пространства: перевод с французского. – Москва: Издательство Алетейя, 2007. – С. 14–48. – EDN HOPJSR.

Варшавер Е. «Коалиционный клинч» против исламского порядка: динамика рынка институтов разрешения споров в Дагестане / Е. Варшавер, Е. Круглова // Экономическая политика. – 2015. – Т. 10, №3. – С. 89–112. – DOI 10.18288/1994-5124-2015-3-05. – EDN TWTZCH.

Габрилян Р. Р. Правовой плюрализм: от генезиса теоретической концепции к реализации в современных условиях / Р. Р. Габрилян, И. Н. Клюковская, Е. Н. Кониная // Гуманитарные и юридические исследования. – 2019. – № 4. – С. 161–167. – DOI 10.37494/2409-1030-2019-4-161-167. – EDN VYRFPW.

Гриценко Г. Д. Мигранты в социокультурном пространстве региона: Социологические очерки / Г. Д. Гриценко, Т. Ф. Маслова, А. В. Дмитриев. – Москва: Инфра-М, 2009. – 176 с. – ISBN 978-5-98281-158-5. – EDN SDQPRP.

Денисова Г. С. Правовая культура молодежи как латентный фактор социальной напряженности в регионах Северного Кавказа / Г. С. Денисова, И. А. Петрулевич // Конфликтология. – 2005. – № 4. – С. 38–45.

Дмитриев В. А. Адааты и шариат у кавказских горцев / В. А. Дмитриев // Россия и Кав-

by I. Borisova; National Research University “Higher School of Economics”. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. – 408 p. (Social Theory). – ISBN 978-5-7598-0973-9.

Bulatov B. B. (2004) Essays on the history of the spiritual culture of the Highlanders of Central Dagestan in the XVIII–XIX centuries / B. B. Bulatov, S. A. Luguyev; Russian Academy of Sciences, Dagestan Scientific Center, Institute of History, Archeology and Ethnography, Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Dagestan State University. – Ed. 2nd, add. – Makhachkala. – ISBN 978-5-905784-52-1.

Bourdieu P. (2007) Social space and the genesis of “classes” / P. Bourdieu // Sociology of social space: translated from French. – Moscow: Aleteya Publishing House. – Pp. 14–48.

Varshaver, E. (2015) «Coalition clinch» against the Islamic order: the dynamics of the market of dispute resolution institutions in Dagestan / E. Varshaver, E. Kruglova // Economic policy. – Vol. 10, No. 3. – Pp. 89–112. – DOI 10.18288/1994-5124-2015-3-05.

Gabrielyan R. R. (2019) Legal pluralism: from the genesis of a theoretical concept to implementation in modern conditions / R. R. Gabrielyan, I. N. Klyukovskaya, E. N. Konina // Humanities and Legal studies. – No. 4. – Pp. 161–167. – DOI 10.37494/2409-1030-2019-4-161-167.

Gritsenko G. D. (2009) Migrants in the socio-cultural space of the region: Sociological essays / G. D. Gritsenko, T. F. Maslova, A. V. Dmitriev. – Moscow: Infra-M. – 176 p. – ISBN 978-5-98281-158-5.

Denisova, G.S. (2005) Legal culture of youth as a latent factor of social tension in the regions of the North Caucasus / G.S. Denisova, I. A. Petrulevich // Conflictology. – No. 4. – Pp. 38-45.

Dmitriev V. A. (2003) Adats and Sharia among the Caucasian mountaineers / V. A. Dmitriev // Russia and the Caucasus: history, Religion, culture. – St. Petersburg: Dovlatov Foundation. – Pp. 107–127.

каз: история, религия, культура. – Санкт-Петербург: Довлатовский фонд, 2003. – С. 107–127. – EDN SOQQOL.

Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Российская академия наук, Институт восточных рукописей. Утверждено к печати Институтом восточных рукописей РАН. – Москва: Восточная литература, 2012. – 232 с. – ISBN 978-5-02-036313-7. – EDN RRNGUL.

Казенин К. Исламское правовое ситуации конкуренции правовых систем: случай Северного Кавказа / К. Казенин // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – № 3. – С. 234–264. – DOI: 10.22394/2073-7203-2017-35-3-234-264.

Капустина Е. Л. Выборы в сельском Дагестане: политическое событие как элемент социальной жизни / Е. Л. Капустина // Общество как объект и субъект власти: Очерки политической антропологии Кавказа. – Санкт-Петербург: Центр «Петербургское востоковедение», 2012. – С. 32–60. – EDN NNKKSU.

Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе / М. М. Ковалевский. – Москва: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1890. – 140 с.

Ковлер А. И. Антропология права и правовой плюрализм (права человека и права народов) / А. И. Ковлер // Олень всегда прав: исследования по юридической антропологии / Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации; отв. ред. Н. И. Новикова. – Москва: Стратегия, 2003. – С. 24–50. – EDN SACVNB.

Мукомель В. И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества / В. И. Мукомель // Россия реформирующаяся. – 2016. – № 14. – С. 411–467. – EDN WBLZPF.

Парк Р. Э. Город: предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде / Р. Э. Парк // Избранные очерки: Сб. переводов / Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и соци-

Islam on the territory of the former Russian Empire: An Encyclopedic Dictionary (2012) / Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Manuscripts. Approved for publication by the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. – Moscow: Oriental Literature. – 232 p. – ISBN 978-5-02-036313-7.

Kazenin K. (2017) Islamic Law in a situation of competition of legal systems: the case North Caucasus / K. Kazenin // State, religion, church in Russia and abroad. – No. 3. – Pp. 234–264. – DOI: 10.22394/2073-7203-2017-35-3-234-264.

Kapustina E. L. (2012) Elections in rural Dagestan: a political event as an element of social life / E. L. Kapustina // Society as an object and subject of power: Essays of political anthropology of the Caucasus. – St. Petersburg: Center “Petersburg Oriental Studies”. – Pp. 32–60.

Kovalevsky M. M. (1890) Law and custom in the Caucasus / M. M. Kovalevsky. – Moscow: A. I. Mamontov and Co. – 140 p.

Kovler A. I. (2003) Anthropology of Law and Legal Pluralism (Human rights and Peoples' rights) / A. I. Kovler // The Deer is always right: studies in Legal Anthropology / N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation; Rel. ed. by N. I. Novikov. – Moscow: Strategy. – Pp. 24–50.

Mukomel V. I. (2016) Adaptation and integration of migrants: methodological approaches to performance assessment and the role of the host society / V. I. Mukomel // Russia reforming. – No. 14. – Pp. 411–467.

Park R. E. (2011) Gorod: proposals for the study of human behavior in an urban environment / R. E. Park // Selected essays: Collection of translations / Center for Social. scientific.-inform. research. Department of Sociology and Social. psychology; Comp. and translated from the English by V. G. Nikolaev; Ed. by D. V. Efremenko. – Moscow. – Pp. 19–56.

ал. психологии; сост. и пер. с англ. В. Г. Николаев; отв. ред. Д. В. Ефременко. – МОСКВА, 2011. – С. 19–56. – EDN OHJVKD.

Петрулевич И. А. Правовая культура молодежи Северного Кавказа: специфика формирования и ценностное содержание: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / И. А. Петрулевич [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т]. – Ростов-на-Дону, 2003. – 27 с.

Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации / Г. И. Муромцев, В. П. Малахов, Г. В. Мальцев [и др.]. – Москва: Российский университет дружбы народов, 2006. – 542 с. – ISBN 5-209-01982-9. – EDN QXFOKL.

Ричардсон Д. Социальное конструирование правового плюрализма / Д. Ричардсон // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2013. – Т. 31, № 2. – С. 40–62. – EDN RXOEFLL.

Сюкияйнен Л. Р. Исламское право: взаимодействие юридического и религиозного начал / Л. Р. Сюкияйнен // Ежегодник либертарно-юридической теории: вып. 1 / ред.-сост. В. А. Четвернин; Гос. ун-т Высшая школа экономики. – Москва: ТЕИС, 2007. – 198 с.

Тхакахов В. Х. Социальные и этнокультурные процессы на Северном Кавказе: вопросы методологии / В. Х. Тхакахов; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб.: НИИХ СПбГУ, 2002. – 212 с. – ISBN 5-7997-0435-5.

Фатхи В. И. Идея правового плюрализма в контексте юридической этнологии / В. И. Фатхи // Философия права. – 2007. – № 1(20). – С. 27–31. – EDN MUUIJZ.

Шекера Е. А. Социокультурные аспекты адаптации студентов-дагестанцев в Санкт-Петербурге // Caucaso-Caspica: Труды Института автохтонных народов Кавказско-Каспийского региона. Выпуск I / под ред. Г. Асагрян. Ер.: Изд-во РАУ, 2016. – С. 197–205.

Dupret B. Legal Pluralism, Plurality of Laws, and Legal Practices: Theories, Critiques, and Praxiological Re-specification // European Journal of Legal Studies. – 2007. – Volume Issue. – URL: <http://www.ejls.eu/1/14UK.htm> (дата обращения: 08.03.2023).

Petrulevich I. A. (2003) legal culture of youth of the North Caucasus: specifics of formation and value content: abstract of the dissertation... candidate of Social Sciences: 22.00.06 / I. A. Petrulevich [place of protection: Russian state. Ped. Un-t]. – Rostov-on-Don. – 27 p.

Legal policy and ways to improve law-making activities in the Russian Federation (2006) / G. I. Muromtsev, V. P. Malakhov, G. V. Maltsev [et al.]. – Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. – 542 p. – ISBN 5-209-01982-9.

Richardson, D. (2013) Social construction of legal pluralism / D. Richardson // State, religion, Church in Russia and abroad.– Vol. 31, No. 2. – Pp. 40–62.

Syukiyainen L. R. (2007) Islamic law: interaction of legal and religious principles / L. R. Syukiyainen // Yearbook of Libertarian legal theory: issue 1 / ed.-comp. V. A. Chetvernin; State University Higher School of Economics. – Moscow: TEIS. – 198 p.

Tkhakakhov V. H. (2002) Social and ethnocultural processes in the North Caucasus: questions of methodology / V. H. Tkhakakhov; St. Petersburg State University, St. Petersburg: St. Petersburg State University. – 212 p. – ISBN 5-7997-0435-5.

Fathi V. I. (2007) The idea of legal pluralism in the context of legal ethnology / V. I. Fathi // Philosophy of Law. – No. 1(20). – Pp. 27–31.

Shekera E. A. (2016) Socio-cultural aspects of adaptation of Dagestani students in St. Petersburg // Caucaso-Caspica: Proceedings of the Institute of Autochthonous Peoples of the Caucasian-Caspian region. Issue I / Edited by G. Asatryan. Ер.: Publishing House of RAU.– Pp. 197–205.

Dupret B. (2007) Legal Pluralism, Plurality of Laws, and Legal Practices: Theories, Critiques, and Praxiological Re-specification // European Journal of Legal Studies. – Volume Issue. – URL: <http://www.ejls.eu/1/14UK.htm> (date of application: 08.03.2023).

Griffiths J. (1986) What is legal pluralism? // Journal of Legal Pluralism. – No.24. – Pp. 1-50.

Griffiths J. What is legal pluralism? // Journal of Legal Pluralism. – 1986. – № 24. – Pp. 1-50.

Merry S. E. Legal Pluralism / S. E. Merry // Law & Society Review. – 1988. – Vol. 22. – № 5. – Pp. 869-896.

Roberts S. Against Legal Pluralism / S. Roberts // The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. – 1998. – Vol. 30. – № 42. – Pp. 95–106.

Tamanaha B. Understanding Legal Pluralism: Past to Present, Local to global / B. Tamanaha // Sydney Law Review. – 2008. – № 30. – Pp. 375–411.

Vanderlinden J. Anthropologie juridique / J. Vanderlinden // Paris: Dalloz. – 1996. – Vol. 1. – № VI. – 123 p.

Merry S. E. (1988) Legal Pluralism / S. E. Merry // Law & Society Review. – Vol. 22. – No.5. – Pp. 869-896.

Roberts S. (1998) Against Legal Pluralism / S. Roberts // The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. – Vol. 30. – No. 42. – Pp. 95–106.

Tamanaha B. (2008) Understanding Legal Pluralism: Past to Present, Local to global / B. Tamanaha // Sydney Law Review. – No. 30. – Pp. 375–411.

Vanderlinden J. (1996) Anthropologie juridique. / J. Vanderlinden // Paris: Dalloz. – Vol. 1. – No. VI. – 123 p.

Для цитирования: Шекера Е. А. Правовой плюрализм в Республике Дагестан: некоторые особенности правового габитуса дагестанской молодежи, живущей в Санкт-Петербурге // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 3 (61). – С. 148–165.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.12
EDN SYRPWY

История статьи:
Поступила в редакцию – 20.03.2023
Получена в доработанном виде –
11.05.2023
Одобрена – 19.05.2023

Сведения об авторе

Шекера Екатерина Александровна
соискатель ученой степени кандидата
социологических наук Санкт-
Петербургского государственного
университета
shekerak@gmail.com

Information about author

Ekaterina A. Shekera
applicant for the degree
of Can. Sci. (Sociology),
Saint Petersburg State University
shekerak@gmail.com